

Режиссер и три его женщины

Биография - 2006 - с. 17
19 - 25 окт

Кинодом Махмальбафов – учебно-продюсерский ц.тр., в Алма-Ате он был представлен самим Мохсенем Махмальбафом – знаменитым иранским режиссером, его женой Марзией Мешкени, дочерьми Самирой и Ханой. Не приехал только сын Мейсам. Сегодня кино Махмальбафов известно во всем мире, за него борются главные кинофестивали. В Алма-Ате глава кинодома был членом жюри основного конкурса.

Актеров для своих фильмов Махмальбаф и члены его семьи ищут часто на улице, в тюрьмах, в самых неожиданных местах. Их реальные истории используются в фильмах. И потом новиспеченные актеры круто меняют жизнь. После того как был закончен фильм “Бродячие собаки”, на часть полученной прибыли купили дом для девочки, ставшей актрисой. Теперь она учится в школе и живет лучше, чем прежде. Не так давно в Таджикистане мне рассказали историю о том, как в Душанбе Мохсен Махмальбаф повстречал бедствующую девочку и стал помогать ее семье, которая теперь ведет вполне обеспеченную жизнь благодаря его участию.

Вся семья Махмальбаф появлялась в Алма-Ате в черном, что очень эффектно, и привлекает внимание всюду, на всех фестивалях, где они бывают (но в столь полном составе, как тут, это случается не так часто). Когда главу семьи спрашивают об

этом, он шутит. Рассказывает, что имеет маленький чемодан с вещами. Будучи беженцем, так и путешествует из страны в страну и все свое носит с собой. К тому же и сложившаяся в мире ситуация весьма черная. Самира честно говорит, что ее семья эффектно выглядит, когда появляется в черном, а приходится много путешествовать, фотографироваться. Так что это художественный ход.

Мохсен Махмальбаф когда-то сильно интересовался политикой, в него стреляли, сажали в тюрьму. Он считал в то время, что изменить мир можно посредством политики, но в какой-то момент понял, что сила кино куда значительнее по своему воздействию. Сам он живет в Афганистане, хотя вполне мог бы, имея такую славу, спокойно почивать на лаврах где-нибудь в Европе. Остальные члены семьи живут в Тегеране.

Мохсен Махмальбаф:

“Вся моя семья работает в кино. Но два года назад я уехал из своей страны из-за очень жесткой цензуры, которая существует в Иране. Мой отец умер в возрасте 57 лет, и недавно я задался вопросом: неужели моя будет такая же судьба, что осталось в записях только семь лет для того, чтобы снимать кино? И я решил уехать. Основная причина того, что я снимаю свои картины в других странах: политическая, религиозная и культурная цензура в Иране. В цензурном комитете работал слепой

человек, он не видел ничего, но при этом отметал фильмы. Мы сняли за последние 20 лет много хороших фильмов, но у них не было шанса быть увиденными.

Когда большие проблемы с цензурой, то постепенно начинаешь задумываться и о собственной цензуре. Допустим, вы лежите в кровати и вас посещает гениальная мысль снять что-то. Однако говоришь себе: “Нет, я не смогу снять, ведь если я обращусь в комитет по цензуре, мне скажут: забудьте об этом!”. Так что единственный вариант – это лечь и продолжать спать.

Два года назад иранское кино почти умерло, потому что проникновение голливудского кино стало массированным. Я побывал более чем в 50 странах и могу сказать, что кино в этих странах убивается Голливудом. Скажем, в Египте 20 лет назад был очень развит кинематограф, выпускалось в год более 180 фильмов. Однако с проникновением голливудского кино в Египте снимается 18 – 20 картин. Таким образом, одна культура сталкивается с другой. Я не хочу поддерживать жесткую цензуру в Иране, но контроль за кинематографом именно в отношении голливудской продукции необходим. В Иране снимается 70 – 100 картин в год, и среди них можно выделить три категории. Примерно десять процентов приходится на пропагандистские фильмы, поддерживающие прави-

тельство. Восемьдесят процентов составляют коммерческие проекты, производимые частными лицами. И это весьма прибыльное дело. Десять процентов приходится на собственно искусство, на гуманистические фильмы.

У меня 18 игровых картин и 7 документальных. Большинство было снято в Иране. По одной в Афганистане, Пакистане, Турции, два в Таджикистане, снимал я и в Индии. Где снимать – зависит от темы. И бюджет фильма зависит от темы, возраста режиссера. В Иране снимать дешевле, чем в Таджикистане, а в Афганистане дороже, чем в Таджикистане, в Индии намного дороже, чем в Афганистане. В Иране есть правительственные субсидии, а в Таджикистане их нет. Где-то приходится давать взятки, чтобы работать, – полиции, таможене. Снимать в Европе дороже, чем в Азии. Мы предпочитаем снимать малобюджетные картины. Когда затрачиваются большие суммы, значит, и отдавать продюсерам придется много. Это точно так, как продавать душу. У меня пожелание казахскому кино: не стремитесь идти голливудским путем. Вы не сможете составить конкуренцию Голливуду. В этом соревновании вы можете погибнуть. Именно малобюджетные картины стали залогом успеха иранского кино. Когда бюджет небольшой, это значит, что картина находится в руках режиссера, а не продюсера. Дайте возмож-

ность талантливым людям, а не богатым.

Иранское кино – это своего рода зеркало иранского народа, возможность показать, какие мы есть и что можно изменить. Чтобы понять, каков иранский народ, надо посмотреть иранское кино.”

Самира Махмальбаф:

“Мне с ранних лет хотелось понять, что же это за кино такое и почему его так любит мой отец. Я до 14 лет училась в школе, пыталась быть прилежной ученицей и получать высокие оценки. В какой-то момент, наблюдая за студентами моего отца, поняла, что в обычной школе не смогу познать все те вещи, которые могу познать в его школе. Мы – иранские женщины, и поэтому у нас нет излишней самоуверенности, мы не имеем права голоса. Поэтому мне и захотелось иметь хорошую работу, чтобы иметь возможность проявить себя. В 14 лет я бросила школу, пришла к отцу и попросила в одном предложении сформулировать, как можно стать режиссером. Он не смог мне это объяснить в одной фразе, но начал со мной разговаривать. Мы говорили об искусстве, живописи, монтаже, о том, как писать сценарии. И я начала снимать короткометражки. Занятия начинались с самого утра и заканчивались вечером. Даже когда хотелось спать в машине, папа продолжал обучать нас. “Если человек пошел в эту профессию, решил связать жизнь с

искусством, – говорил мне отец, – то он должен быть очень сильным”. Был случай, когда две ночи подряд он не давал нам спать, и это было преодолением всех трудностей. Мой отец не хотел, чтобы наша школа была частной, он хотел обучать более ста студентов. Однако правительство не позволило это сделать, сказав, что ему достаточно одной проблемы в лице Махмальбафа. Мой отец – редкий человек в мире кино, который привлек в эту индустрию трех женщин, и я ему благодарна за это.”

Хана Махмальбаф:

“Когда Самира бросила школу, я решила последовать ее примеру и пойти в школу отца. Мне сказали, раз уж я отважилась, то должна сделать это немедленно. Отец не мог вначале обучать мою мать, моего брата и сестру, а потом меня. И я стояла перед выбором: либо продолжать ходить в обычную школу, где нас обучали религии, учили носить хиджаб, либо предпочесть школу отца, где обучают искусству и всему, что с ним связано. И я выбрала второе. В то время мне было 8 лет и я ходила во второй класс. Через год я сняла свой первый фильм. В течение шести лет работала в качестве сценариста, фотографа, оператора. В 14 лет снимала в Афганистане вторую свою картину “Радость сумасшествия”, и там меня дважды хотели схватить, но моя тетя спасла меня. Сейчас мне 17”.